

ОТ РЕДАКЦИИ

Этот номер журнала «Шаги/Steps» целиком посвящен теме «Литература и политика в европейской античности». Выбор обусловлен несколькими причинами. Прежде всего это тема долгосрочного научного проекта лаборатории античной культуры ШАГИ РАНХиГС, в осуществлении которого одним из важных этапов стала международная конференция, прошедшая 19–22 апреля 2017 г. в рамках традиционных «Гаспаровских чтений». В ней, помимо сотрудников РАНХиГС, приняли участие филологи и историки из различных университетов и научно-исследовательских центров Москвы и Санкт-Петербурга, а также ряд ведущих ученых-классиков из США, Великобритании, Германии и Франции. Успех и представительность конференции свидетельствуют в том числе и о значимости выбранной темы.

На самом деле в западном антиковедении в последнее время эта тема стала одной из самых популярных: только за последнее десятилетие ей было посвящено немалое число монографий и научных сборников¹ и несколько международных конференций². Между тем в отечественной науке за последние 30 лет серьезных работ на эту тему практически не появлялось. Не в последнюю очередь виной тому однобокая трактовка данной проблемы в советской традиции, где литературные тексты, философские воззрения и т. п. трактовались исключительно как отражение общественных отношений или политических взглядов отдельных авторов и социальных групп. «Вульгарный социологизм» марксистской науки, повествовавшей об Аристофане как выразителе взглядов низших (или высших) слоев афинского полиса, действительно набил оскомину, и, вероятно, требовался некий перерыв, чтобы попытаться выработать и новый угол зрения, и новые, не скомпрометировавшие себя инструменты соответствующего анализа. Ведь нельзя отрицать, что в традициях Древней Греции и Рима словесность (поэзия, драма, риторика, историография) выступала как один из важнейших порождающих инструментов социального и политического конструирования, формируя образ и символику власти, модели взаимодействия государства и общества и т. п. О такой социально-политической роли литературы свидетельствуют многочисленные и вполне очевидные факты. Гомеровские поэмы в античности считались наилучшим «пособием» по овладению чуть ли не всеми мыслимыми на свете профессиями: от искусства управления государством и ведения войны до разнообразных ремесел. Об этом как о само собой разумеющемся говорит, например, один из персонажей «Пира» Ксенофонта: «Вы, конечно, знаете, что великий мудрец, Гомер, в своих творениях говорит обо всех человеческих делах. Таким образом, кто из вас хочет стать искусным домохозяином или народным витией, или военачальником, или подобным Ахиллу, Аяксу, Нестору, Одиссею, тот должен задобрить меня: я ведь все это знаю». На представление трагедии и комедии в афинском театре собирались, по разным сведениям, от 10 до 30 тысяч человек,

¹ См., например, произвольную (и неполную) выборку значимых публикаций всего за несколько последних лет: [Carter 2011; Ruffell 2011; Brock 2013; Spentzou 2013; Farrell, Nelis 2013].

² Одним из наиболее заметных событий стал, например, конгресс Фонда А. фон Гумбольдта «Власть в античности — практика и формы дискурса» (Бонн, Германия, 2014).

и присутствие граждан на этих постановках было столь важно для афинского государства, что оно даже компенсировало им расходы на посещение театра из специального фонда, который оратор IV в. до н. э. Демад назвал «клеем для демократии». Когда центр эллинской цивилизации переместился из Греции в Египет, один из царей династии Птоломеев, Птолемей III, захотел, чтобы оригиналы текстов великих греческих трагиков отныне хранились в Александрии, заплатив за них совершенно немислимые деньги. Центр политической власти должен был быть и средоточием культурного авторитета, и литературные тексты стали символом того, что эллинистическая монархия становится естественным преемником классических Афин. Наконец, когда Август начал выстраивать свою империю, важнейшей частью его замысла опять-таки явилось создание (или воссоздание по греческим образцам) великой литературы. Квинтэссенцией этого проекта стало написание Вергилием «Энеиды», которую если и можно именовать первым, столь масштабным примером «государственного заказа», то весьма своеобразным, ибо исполнитель в нем играл не меньшую, а может, и более важную роль, чем заказчик: недаром, по свидетельству Тацита («Диалог об ораторах»), римский народ воздавал Вергилию почести, сравнимые только с императорскими.

Таким образом, в античности литература служила не только и не столько отражением и формой обсуждения политики, сколько способом формирования этой самой политики, основных политических концептов и дискуссий. Она была неотъемлемым элементом политического, и дошедшие до нас памятники античной словесности способны объяснить не только что происходило в современной им общественной жизни Греции и Рима, но почему и как это происходило. Зачастую именно в литературных текстах возникают и рассматриваются проблемы, которые впоследствии становятся частью актуальной политической «повестки дня». И потому не следует удивляться, что победы на поэтических состязаниях могли стать поводом для получения их авторами важных политических назначений — как это произошло с Софоклом, избранным одним из афинских стратегов после триумфа его «Антигоны». Справедлива и обратная связь: без адекватной интерпретации политического контекста невозможна корректная историко-культурная трактовка отдельных произведений и целых жанров античной словесности — от древнегреческой трагедии до римской историографии.

Рассмотрению этого сложного взаимодействия литературных (и не только) текстов и социально-политического контекста и посвящены статьи, представленные в данном номере. В ряде статей (например, **С. А. Степанцова** и **Р. Бруccione**) анализируются наиболее ранние литературные метафоры политического, часть которых (вроде «всепожирающей» войны) дожили до наших дней. Литературная метафорика зачастую ложится в основу государственной политической риторики, находящей отражение в том числе в историографии: например, в имперской идеологии Афин V в. до н. э. (**А. Брессон**) или в образе «диких» северных провинций Римской империи у Страбона (**Е. В. Илюшечкина**). Более того, стратегии репрезентации политического в поэтических и историографических текстах зачастую оказываются едиными и сугубо литературными по своей природе (как это показано, например, в статье **К. Райтц**). Политический контекст зачастую позволяет предложить новое, оригиналь-

ное прочтение конкретных текстов (например, драм Еврипида, см. статью **Б. М. Никольского**), высказать предположения о специфике аудитории афинской драмы (**П. Д. Финглас**), побочно позволяя решить и традиционные филологические вопросы вроде датировки произведения (**Н. П. Гринцер**, **С. Д. Олсон**) или даже гипотетически реконструировать утраченный текст (**М. В. Шумилин**). В ряде статей затрагиваются и более общие вопросы: о связи религии, политики и словесности в аттической комедии (**Е. Ю. Чепель**), о взаимодействии идеологии и литературы в «век Августа» (**К. Галински**) или о соотношении греческих и римских «стратегий» репрезентации политики в жанре панегирика (**С. И. Межеричская**). Помимо естественной для античных текстов проблемы соотношения римского и греческого, свойственное им внимание к политической терминологии позволяет делать умозаключения и касательно иных, соседствующих культур: так, лексика Септуагинты позволяет **М. Г. Селезеву** высказать ряд существенных соображений о восприятии монархии в иудейской традиции. Понятно, что античные тексты и сюжеты становятся основой для их политической реинтерпретации и в последующие эпохи — этому, в частности, посвящена статья **Я. Л. Забудской**.

Поиск политической составляющей в литературных текстах естествен для изучения античности: в этих текстах она главным образом и сохранилась. Однако порой слово способно дать представление и о том, что лежит вне его, — например, о «политике эмоций», об отражении которой у Плутарха рассуждает **Т. Ф. Теперик**. Наконец, политическим измерением могут обладать и иные, нелитературные «тексты»: например, археологическая реконструкция планировки римских вилл может пролить свет на особенности тогдашнего социального этикета (**Т. Н. Хоун**).

Таким образом, в номере представлен достаточно широкий спектр возможных подходов к проблемам политической культуры Древней Греции и Рима — от текстологии, лингвистики и литературоведения до археологии и исторической антропологии. Для антиковедения всегда было естественным взаимодействие разных методов, которое теперь принято именовать неуклюжим словом «междисциплинарность». Соотношение политики, литературы и интеллектуальной культуры в целом — проблемное поле, в котором такое взаимодействие тем более необходимо. И в этой связи материалы номера могут оказаться полезными не только специалистам-классикам. Обсуждаемые в нем применительно к античности вопросы в последнее время занимают и исследователей-гуманитариев, занимающихся самыми разными эпохами. Не случайно, что совсем недавно, в 2015 г., двумя весьма почтенными университетами — Оксфордским и Лейденским — был учрежден новый гуманитарный журнал со знаковым названием «Политика и поэтика», первый номер которого был характерным образом посвящен самому «политизированному» литературному жанру — трагедии (причем далеко не только греческой). Если же вернуться к разговору об отечественной гуманитарной науке, то политическое измерение русской литературы в последнее время тоже становится одной из востребованных и продуктивных тем³. Потому, как кажется, данный номер удачно вписывается в общую стратегию журнала «Шаги / Steps». В каждом от-

³ Здесь следует прежде всего упомянуть важную книгу А. Л. Зорина [Зорин 2004], недавно переведенную на английский язык [Zorin 2014].

дельном его номере мы стремимся сфокусироваться на определенных тематических полях, но при этом стараемся выбирать те проблемы и области исследований, которые предполагают взаимопроникновение и сотрудничество различных гуманитарных методологий. Тем самым мы стараемся не только двигаться вперед в каждом из интересующих нас научных направлений, но и делать «шаги навстречу», пересекая и расширяя границы привычных академических дисциплин. Будем надеяться, что и в данном случае нам, хотя бы отчасти, это удалось.

Литература

- Зорин 2004 — Зорин А. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М.: Нов. лит. обозрение, 2004.
- Brock 2013 — Brock R. *Greek political imagery from Homer to Aristotle*. London; New York: Bloomsbury Academic, 2013.
- Carter 2011 — *Why Athens? A reappraisal of tragic politics* / Ed. by D. M. Carter. Oxford: Oxford Univ. Press, 2011.
- Farrell, Nelis 2013 — *Augustan poetry and the Roman Republic* / Ed. by J. Farrell, D. P. Nelis. Oxford: Oxford Univ. Press, 2013.
- Ruffell 2011 — *Ruffell I. A. Politics and anti-realism in Athenian old comedy: The art of the impossible*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2011.
- Spentzou 2013 — *Spentzou E. The Roman poetry of love: Elegy and politics in a time of revolution*. London, New York: Bloomsbury Academic 2013.
- Zorin 2014 — *Zorin A. By fables alone: Literature and state ideology in Late-Eighteenth — Early-Nineteenth-Century Russia*. Boston: Academic Studies Press, 2014.

Editorial note

References

- Brock, R. (2013). *Greek political imagery from Homer to Aristotle*. London; New York: Bloomsbury Academic.
- Carter, D. M. (Ed.). *Why Athens? A reappraisal of tragic politics*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Farrell, J., Nelis, D. P. (Eds.) (2013). *Augustan poetry and the Roman Republic*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Ruffell, I. A. (2011). *Politics and anti-realism in Athenian old comedy: The art of the impossible*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Spentzou, E. (2013). *The Roman poetry of love: Elegy and politics in a time of revolution*. London, New York: Bloomsbury Academic, 2013.
- Zorin, A. (2014). *By fables alone: Literature and state ideology in Late-Eighteenth — Early-Nineteenth-Century Russia*. Boston: Academic Studies Press.